

Следует заметить, что при всех признаках балладного сюжета (наличие «этого» и потустороннего мира, из которого является мертвый жених; переход границы миров, который он совершает, благодаря гаданию у зеркала; полночное путешествие), финал «Светланы» оказывается противоположным балладному: героиня не погибает, а просыпается, и вторая встреча с женихом оказывается реальной и счастливой.

Таким образом, у В. А. Жуковского в балладе «Светлана» святочная фантастика, привидевшаяся героине во сне, оказывается несущественной перед верой в Провидение, снимая таким образом его «вещую», предсказывающую функцию.

Список использованных источников

- 1 Жуковский, В. А. Письмо М. А. Протасовой / В. А. Жуковский // Уткинский сборник. – М., 1904. – С. 89–92.
- 2 Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. Репринт. воспр. изд-я 1880 г. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 688 с.
- 3 Сахаров, И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков / И. П. Сахаров. – М. : Институт русской цивилизации, 2013. – Т. 1. – 800 с.
- 4 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. язык, 1989. – Т. I. – 699 с.
- 5 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. язык, 1990. – Т. III. – 555 с.
- 6 Жуковский, В. А. Светлана // В. А. Жуковский. Избранное / сост., вступ.ст. и прим. И.М. Семенко: [текст]. – М.: Правда, 1986. – С. 133–140.
- 7 Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : Пособие для учителя: [монография], [2-е изд.] / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
- 8 Магомедова, Д. М. К специфике сюжета романтической баллады / Д. М. Магомедова // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю.В. Манна : сб. статей. – М.: РГГУ. – 2001. – С. 39–45.
- 9 Филонова, Ю. А. Изучение жанра баллады / Ю. А. Филонова // Литература в школе. – 2010. – № 7. – С. 41–44.

УДК 81.161.1'373'373.6:316.7

Е. И. Тимошенко

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ОСНОВА ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ (на материале этимологических словарей славянских языков)

В статье выявляются тематические группы лексики, этимологический анализ которой невозможен без привлечения информации этнокультурного характера. К таким тематическим группам относятся названия мифологических существ, народных праздников и обрядов, растений, птиц и насекомых, а также названия предметов домашнего обихода.

Этимологический анализ лексики выполняется по определенным правилам, предполагающим объяснение различных аспектов слова. Во-первых, он учитывает ареальные (лингво-географические) характеристики лексической единицы. Во-вторых, предполагает объяснение таких собственно языковых сторон слова, как фонетическая, словообразовательная и семантическая. В-третьих, для убедительного обоснования той или иной этимологической версии он опирается на комплекс культурно-исторических сведений, необходимых как для определения исконного или заимствованного характера слова, так и для констатации адекватного соответствия реконструируемого содержания слова общественно-историческим условиям функционирования обозначаемой этим словом реалии или понятия. Именно в силу последнего

обстоятельства анализ слов определенных тематических групп в этимологических словарях требует приведения более или менее обширной этнокультурной информации. Наблюдения над материалами этимологических словарей восточнославянских языков показывают, что к таким тематическим группам лексики относятся следующие.

1. Названия мифологических существ, описание характерных признаков которых (приписываемых этим существам человеком) естественным образом предполагается в толковании значения слова и тем самым часто вскрывает их внутреннюю форму. Например, словарная статья бел. *казытка* ‘русалка’ содержит объяснение структурно-семантической мотивации слова именно через описание поведения, свойственного представительницам этого вида мифологических персонажей: «да *казытаць* ‘датыкаючыся да скуры, выклікаць лёгкае нервовае раздражэнне, сверб’, матывацьця зразумелая: русалкі як зловяць, так заласкочуць (заказычуць)»; кроме того, “казыткі маюць быць белыя, як снег, паненкі і вельмі пекныя” (ЭСБМ, 4, с. 94-95). В словарной статье к слову *калдун* (бел.) восстанавливается исконное значение слова, в толковании которого как раз и находят отражение характеристики этого персонажа: ‘той, хто гадае з дапамогай нейкіх сакральных прадметаў’, ‘чалавек з нейкімі фізічнымі недахопамі’ > ‘чалавек, які знаецца з нячыстай сілай’, ‘вядзьмар’. Для сравнения приводится, с одной стороны, рус. диалектное *колдун* ‘в детской игре палка, которая долго остается под водой, если ее бросать концом в воду’, с другой – бел. *колдыга* ‘порода лесуна’, *калдыга* ‘хромой человек’ (ЭСБМ, 4, с. 145–148).

2. Названия народных праздников, обрядов и сопровождающих их предметов, этимологизация которых требует обращения к объяснению сущности, содержания рассматриваемых явлений. Так, в “Этимологическом словаре славянских языков” (вып. 11, с. 56–58) славянское **korčunъ*, имеющее продолжения в виде болгарского диалектного *крачун* ‘народный праздник летнего или зимнего солнцеворота; сочельник, канун рождества’, русского диалектного *карачун* ‘святочный обряд, коляда’, а также ‘злой дух, черт, демон’ и мн. др., возводится к праславянскому **korčiti* с общей широкой семантикой ‘шагать’ → ‘переходить’ → ‘поворачивать’. Таким образом объясняется внутренняя форма названий праздника летнего или зимнего солнцеворота, однако при этом словарная статья содержит и объяснение того, как одно и то же название стало одновременно употребляться и для обозначения христианских праздников: “Будучи семантически многоярусным, слово **korčunъ* лишь верхним слоем своего значения и употребления вошло в сферу религиозного, и только эта часть значения (причем неполностью – только о з и м н е м с о л н ц е в о р о т е) была вторично освоена христианством. Из этого следует вторичность значений, связанных с рождением (в том числе таких вторичных конкретных значений, как ‘рождественское бревно, полено, сжигаемое в сочельник’...)”. Подробная этнокультурная справка дается к праславянскому **korvajь*, продолжением которого является рус. *коровай*. Известно, что в народном (например, восточнославянском) обряде корова служит символом невесты. В соответствии с этим обстоятельством праслав. **korvajь* «обозначало одушевленное лицо, активного мужского исполнителя брачной церемонии (сравн. *коровай-воронай*, т. е. ‘налетчик, похититель’)” (ЭССЯ, вып. 11, с. 112–116). Существительное *калодка* ‘обрубок дерева как функциональный элемент народного обряда’ в ЭСБМ сопровождается этнографической информацией об обычае в сочельник перетаскивать с одного двора на другой чурбан, или “колодку”, которую прикрепляли незамужним девушкам или холостым парням (ЭСБМ, 4, с. 189–190).

3. Наименования растений, птиц, насекомых и т.п., в которых отразились мифопоэтические представления народа. Так, название *бабіна душыца* (бел.) связано с известным фольклорным представлением о душе умершей матери, которая возвращается к детям в образе цветка, – в белорусском варианте *бабіна душыца* буквально “душа бабушки”. Номинации *бабка* ‘трипутник’, *бабін цвет* ‘трипутник большой’ связываются (по одной из этимологических версий, поддерживаемых большинством лингвистов) с использованием названных растений бабками-знахарками: “*бабін цвет* ‘цветка, цвет бабы-знахаркі’”;

аналогична внутренней форма наименования *бабскі клятбён* ‘грыб на асіне’ (мотивация представлениями о чародействе баб-знахарок). Культурологическая мотивация в названиях растений обнаруживается и в тех случаях, когда в основу номинации положены представления о медицинских свойствах растения, которые, впрочем, могут соединяться с мифологической мотивацией. Например: *бабін сон* ‘шафран Гейфеля’ – растение получило свое название в соответствии с народными представлениями о том, что животные и люди, которые полизали корень этого растения, засыпают; *бабін мур* ‘дереза обыкновенная’ назван таким образом на основе своих лечебных и магических свойств (ЭСБМ, 1, с. 250–257). Название *багатка* (бел.) ‘одуванчик лечебный’ может отражать собственно внешний признак (большое количество лепестков), но не исключается и мотивация мифологическими представлениями: рассматриваемое название является обозначением еще одного растения – русское соответствие *богатка*, – которое используется для гадания о богатстве (обычно в Купальскую ночь). В свою очередь одуванчик, называемый в некоторых белорусских говорах *багаткай*, также находит применение во время праздника Купалы: “*Багаткамі на Купалля абразы аптыкаяць*” (ЭСБМ, 1, с. 261–262). Белорусское *гарнік* ‘наговорная зелле, трава’ образовано от глагола *гарнуць* ‘иметь склонность, приближать, склонять’ и, таким образом, также связано с народными представлениями о силе заговора (ЭСБМ, 3, с. 63). Народные представления о медицинских свойствах отразились и в названии растения *каменяломник*, представляющего собой кальку латинского *saxifragas* ‘тот, кто разбивает камни’. Растение получило свое название в связи с тем, что использовалось древними греками для лечения внутренних органов от образования камней, или, возможно, оттого что росло около камня и раскалывало его (ЭСБМ, 4, с. 222–223).

Белорусские наименования журавля *весьлец*, *вяселік* объясняются как эвфемистические, которые предписывалось, в соответствии с народными поверьями, употреблять весной, когда прилетают журавли, чтобы не печалиться (“не журыцца”) потом целый год (ЭСБМ, 2, с. 96, 323). Название *бабочка* (бел. *бабачка*) ‘мотылёк’ рассматривается в этимологической литературе как мотивированное сакральными представлениями о том, что душа умершего, например бабушки, продолжает существование в виде мотылька. Аналогично мотивировано наименование (рус. диал.) *душечка* ‘мотылёк’ – от *душа* (ЭСБМ, 1, с. 248). В славянских языках зафиксировано большое количество табуистических наименований божьей коровки. Одно из таких наименований – бел. *андрэйка* (а также *андручок*, *андрэйка-калода*, *андрэйка-купарэйка*, *андрэйка-лябёдка* и под.), представляет собой антропоморфное явление, связывается семантически с днем св. Андрея – праздником, на который в Польше молодежь гадала о будущем суженом, а в России делались предсказания о погоде зимой (зимний Андрей – 29 ноября; есть еще и летний – 4 июля). Таким образом, семантические контаминации обусловлены этнокультурными представлениями (ЭСБМ, 1, с. 113–114). Другое название божьей коровки, возводимое к этимологической праформе **bedrunka* / **bedrunica* (чеш. *bedraňka*, словц. *bedrunka*, пол. *biedronka*, укр. диал. *бобрунка*, *бездрик*, бел. *бабруніца*, *бедарка*), по одной из точек зрения, с учетом многочисленных народных суеверий, связанных с этим насекомым, объяснялось на основе и.-е. корня **bhedr-* ‘процветание, счастье’. (Последние этимологические исследования позволяют предложить иной взгляд на происхождение корня и связать его с праславянским прилагательным **bedr-* ‘наколотый’, производным от первоначальной глагольной основы **bed-/*bod-* ‘колоть’ и отражающим “такую броскую особенность божьей коровки, как несколько точек на жестких надкрыльях”. – ЭССЯ, вып. 1, с. 180–182).

4. Названия бытовых предметов (одежды, обуви, пищи и т. п.), этимологизация которых может или быть обусловлена их связью с народными верованиями, обрядами и т. п., или опираться на такие признаки, как особенности их изготовления, использования и т. д. Характер культурологической подосновы, мотивирующей подобные наименования, в этих случаях хотя и различен, но в целом сводится к этнолингвистическому направлению. Например, бел. *жаваранак* ‘булочка, которая выпекается на 9 (22) марта’ представляет собой

результат метонимического переноса с наименования птицы в связи с ее весенним прилетом. Этот день считается началом весны, и с ним связан обряд её вызывания, когда такие булочки в виде жаворонков девушки и женщины подбрасывали вверх под мужской “аккомпанемент” на берестяных пастушеских трубках (ЭСБМ, 4, с. 196–197). А в названии лаптя рус. *коверзень*, бел. *кавярзень* культурная информация отражает характер изготовления данного вида обуви: в слове выделяется корень *верз-* (сравн. *верзати*) со значением ‘плести’, ‘завязывать’ (Фасмер, II, с. 271; ЭСБМ, 4, с. 23).

Таким образом, этнокультурная информация может выступать как базовое или дополнительное основание в этимологизации слов довольно большого числа тематических групп – таких, как названия мифологических персонажей, народных праздников, обрядов и сопутствующих им предметов, растений, птиц и насекомых, а также различных обиходных предметов.

Условные сокращения

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–13. – Мн. : “Навука і тэхніка”, “Беларуская навука”, 1978–2010.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974–2003. – Вып. 1–30.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное : в 4 т. – М. : Прогресс, 1986–1987.

УДК 811.161+81’373.7

Л. Г. Тригуб

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫМ СОСТОЯНИЕМ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАРОДНОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена изучению фразеологических единиц с положительным психоэмоциональным состоянием человека в русском и украинском языках сквозь призму народной духовной культуры. В работе рассматриваются основные фразео-семантические группы со значением «положительные психоэмоциональные состояния человека».

Фразеологический корпус языка – сокровищница сведений о культуре и менталитете народа. Во фразеологизмах сконцентрированы и закреплены представления народа о мифах, обычаях, обрядах, традициях, ритуалах, привычках, морали, поведении, а также стереотипы и социально-исторические факты. В. Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [7, с. 245].

Фразеологизмы, имеющие в своем компонентном составе национально-культурный компонент, являются немногочисленными в русском и украинском языках. Выделение национальной специфики создается наличием специфических для данного народа слов, входящих в состав фразеологизмов: это могут быть обозначения каких-либо реалий, известных только носителям одной нации или нескольких наций, связанных общностью культуры или религии. Внутренняя форма фразеологизмов двух языков может косвенно отражать один и тот же народный опыт, общебытовые условия, эмоции. Так, фразеологизмы *как на духу // як на духу* – откровенно, чистосердечно, ничего не утаивая – восходят к церковным выражениям